

Он излучал властную ауру военного, и юноша, не раздумывая, кивнул. Су Сюло с довольной улыбкой добавила:

— Шучу. Разве мой наркоз может быть настолько сильным, чтобы человек не проснулся?

Су Сюло работала споро, и уже через час юноша вышел из комнаты. В глазах Шэнь Чжуня промелькнуло восхищение: раны были зашиты мастерски, а повязки наложены на редкость аккуратно.

Тем временем Ли Кэ был бережно уложен своим старшим братом в карету.

Су Сюло сдула с листа бумаги остатки невысохших чернил, протянула его Шэнь Чжуню и произнесла:

— Отвар из трех чаш воды, упаренный до одной. Пить после остывания. Раны водой не мочить, а лучше всего — соблюдать полный покой.

Шэнь Чжунь взял рецепт и направился к аптечному шкафу, чтобы собрать лекарства. Юноша, чувствуя неловкость, потянулся к бумаге:

— Господин Юньхуэй, позвольте, я сам возьму всё необходимое.

Шэнь Чжунь ответил бесстрастно:

— Оставайся здесь.

Су Сюло показалось, что его слова такие же ледяные, как и выражение лица, и она невольно потеряла плечи.

Ли Цинь обеспокоенно спросил:

— Госпоже Су нездоровится?

Су Сюло указала на Шэнь Чжуня и прошептала, прикрыв рот ладонью:

— Большая ледяная глыба.

Ли Цинь рассмеялся — не в первый раз он слышал подобную характеристику в адрес Шэнь Чжуня.

Су Сюло развела руками, а заметив, что Шэнь Чжунь уже возвращается, вспомнила, что забыла кое-что важное.

— Вот, — она бросила увесистую шкатулку Ду Ванью. — Такого качества даже во дворце не сыскать, с трудом выпросила. Используй экономно.

А еще вот это, — она с улыбкой протянула Ли Циню мазь. — Дважды в день наносить на раны, через семь дней всё как рукой снимет.

Ли Цинь повертел флакон в руках и сказал:

— У моего брата кожа грубая, как у вола, может, и без мази обойдется?

Улыбка Су Сюло стала еще шире:

— Тогда из постели он не встанет и через полмесяца.

Ли Цинь без церемоний бросил мазь юноше:

— Вижу, кожа у тебя нежная, забирай себе.

Дремавший в карете Ли Кэ ни с того ни с сего вздрогнул.

Шэнь Чжуй вернулся в дом Шэнь лишь глубокой ночью. В последнее время, пока Шэнь Жоянь не лез с провокациями, а мачеха не докучала, он еще находил в себе силы переступить порог родного дома.

Едва он снял верхнюю одежду, как снаружи послышался шум.

С тех пор как Шэнь Гофэна понизили в должности, а Шэнь Жояня отправили под надзор в Управление охраны, в доме Шэнь стало беспокойно. Причина проста: Шэнь Гофэн тяжело заболел, и весь дом стоял на ушах.

Шэнь Чжуй постарался не обращать внимания на гам, но желание отдохнуть пропало. Он поправил фитиль свечи, развернул книгу по военному делу и попытался отгородиться от внешнего мира.

Не успел он прочесть и пары страниц, как шум повторился, на этот раз прямо у порога его двора.

— Госпожа, вы правда не можете войти, господин уже отдыхает, — умолял слуга, выглядя крайне растерянным.

— Хм... — мачеха издала язвительный смешок. — В комнате горит свет, а они еще твердят, что он спит. Кого вы пытаетесь обмануть?

Полная фигура госпожи Шэнь содрогнулась от глубокого вдоха, и она пронзительно закричала в сторону комнаты Шэнь Чжуйя:

— Шэнь Чжуй, если ты сейчас же не выйдешь, я забью этого наглого слугу до смерти!

Слуга забил поклоны:

— Госпожа, помилуйте, господин действительно отдыхает...

Дверь распахнулась, пролив на порог теплый желтый свет. Шэнь Чжуй вышел, поднял слугу с колен и безэмоционально спросил у мачехи:

— В чем дело?

Чем безразличнее он выглядел, тем холоднее и пугающе ледяным казалось его лицо. Госпожа Шэнь вздрогнула, отступила на шаг, но тут же задрала подбородок:

— Это всё ты! Из-за тебя твой отец так тяжело заболел, ты хоть понимаешь свою вину?

Слуга хотел было оправдать господина, но Шэнь Чжуй уже произнес холодным, ровным голосом:

— У госпожи есть что сказать — говорите прямо.

Госпожа Шэнь привела с собой целую свиту слуг для устрашения, но одна фраза Шэнь Чжуй выставила ее на посмешище. Она подняла запястье, унизанное золотыми браслетами, и замахнулась, намереваясь ударить его по лицу.

Шэнь Чжуй не шелохнулся. Его левая рука без труда перехватила запястье мачехи. Та взвизгнула от боли, ее лицо исказилось:

— Ты, неблагодарный выродок! Как ты смеешь? А ну, отпусти!

Она обернулась к слугам:

— Чего стоите? А ну, оторвите его от меня!

Взгляд Шэнь Чжуй похолодел, и слуги побоялись подойти. Госпожа Шэнь визжала, как перепуганный петух, готовый пробить барабанные перепонки. Шэнь Чжуй толкнул ее вперед и разжал пальцы. Госпожа Шэнь повалила двух слуг и рухнула на землю.

Она поднялась, изрыгая проклятия, лицо ее пылало от стыда и ярости. Она отвесила две пощечины служанке, стоявшей рядом, и прошипела:

— Дармоеды! Если я вас не буду воспитывать, вы совсем берега попутаете! Не забывайте, кто вы такие. Грязь, из которой вы вылезли — это честь для вас, что вы служите в доме Шэнь!

Избитые не смели ни уклониться, ни ответить. Разве могли они не понять, что эти слова были направлены против самого Шэнь Чжуй?

Все в доме знали: мать Шэнь Чжуя была служанкой, которую Шэнь Гофэн сделал наложницей, когда та забеременела. У госпожи Шэнь родилась дочь, а у наложницы — сын, но вскоре после родов та скончалась от простуды. Шэнь Чжуя называли проклятым ребенком, приносящим смерть матери и несчастья дому, поэтому отец никогда не питал к нему любви.

Однако Шэнь Чжуй в свои двадцать лет уже подавил восстание Ту Юэ и занял пост Юньхуэй в Императорской страже. В этом была заслуга его наставника Фу Чжэна, но главным образом — его собственного ледяного спокойствия и мастерства.

Госпожа Шэнь, снедаемая завистью и злобой, не упускала случая уколоть его. За двадцать с лишним лет Шэнь Чжуй привык к ее ядовитым речам. Каждый раз, когда она приходила в его двор, это было либо ради скандала, либо ради унижения, и он давно перестал принимать это близко к сердцу.

Шэнь Чжуй произнес:

— Если у госпожи больше нет дел, лучше идти отдыхать. Главе дома сейчас нездоровится, вам подходит быть рядом с ним.

В каждом слове Шэнь Чжуя сквозило с трудом сдерживаемое раздражение. Лицо мачехи сменяло цвета от белого до красного. Уперев руки в бока, она взвизгнула:

— Шэнь Чжуй, у тебя еще хватает наглости поминать отца, неблагодарный негодяй!

У Шэнь Чжуя зазвенело в ушах, а выражение лица стало пугающе ледяным. Ему хотелось выбросить эту визжащую женщину за ворота, но он сдержался, так что на лбу вздулись вены.

Этой ночью в его дворе покоя не будет.

Хотя наступил восьмой месяц, в полдень солнце палило так, что глазам было больно. Дороги из синего камня излучали жар. На улице почти никого не было, лишь изредка проходили редкие прохожие, услышав вопли из аптеки, они бросали косые взгляды, но, видя, что это лечебница, равнодушно шли дальше.

Ли Кэ уже забыл о приличиях и статусе. Руки Су Сюло, словно когти орла, впились в его плечи, и боль была такой, будто кости выходили из суставов. Он не понимал, что на него нашло, когда он решил доверить Су Сюло вправление костей!

Су Сюло словно не слышала его криков. Одной рукой она поддерживала его подбородок, другой фиксировала голову и медленно поворачивала в сторону:

— Вчера брат тебя забрал, а сегодня щеки уже округлились. Наверняка тайком лопал всякие вкусности.

Она резко дернула — в шее Ли Кэ раздался хруст. Ли Кэ решил, что его шея сломана, и вытаращил глаза, боясь пошевелиться.

Су Сюло покрутила его голову:

— С шеей всё в порядке.

Ли Кэ выдохнул и собрался было размяться, но Су Сюло нажала на его плечи:

— Не спеши, осталась другая сторона.

Она повернула его лицо к выходу, снова раздался хруст, и Ли Кэ надолго застыл, не в силах повернуть голову обратно.

Су Сюло испугалась: неужели она всё-таки сломала ему шею?

Она поспешно заглянула ему в лицо и увидела, что он уставился на дверь с выражением крайнего изумления. Она проследила за его взглядом — обычная дорога, что там такого? Решив, что он просто помешался от жары, она вернулась к делам.

Ли Кэ чуть приоткрыл рот. Он был уверен, что не ошибся: вдали он увидел карету семьи Фу. Судя по всему, она кого-то ждала.

А тот, кого ждали, в это время находился в глубине лечебницы и вел беседу с Ду Ванью.

Выслушав цель визита, Ду Ванью слегка улыбнулась:

— Господин, вы слишком вежливы. Как я могу отказать вам в том, что вам нужно?

В ее манерах чувствовалась скромность и искренность, но не было ни страха, ни подобострастия перед его высоким положением. Если только она не была человеком, повидавшим виды, или заранее знала о его приходе и теперь водила его за нос.

Фу Чжэн десятилетиями вращался в коридорах власти, его взгляд был острым и пронизательным. Он наблюдал за Ду Ванью и обнаружил, что эта худощавая, мягкая на вид женщина остается абсолютно невозмутимой под его прицелом, словно искренность была лишь маской, скрывающей истинные мысли.

В глубине души Фу Чжэна мелькнула холодная усмешка: интересно, кто-то осмелился играть с ним в игры прямо здесь!

Ду Ванью словно не заметила его иронии, лишь про себя подумала: не зря он премьер-министр, аура такая, что не заметить невозможно. Неизвестно почему, она вспомнила Янь Хэна и тот взгляд, когда с него сорвали черную повязку — глаза, пронзающие насквозь, полные опасности и глубины.

На мгновение Ду Ванью отвлеклась, но тут раздался голос Фу Чжэна:

— Госпожа Ду, я пришел просить лекарство, и насчет вознаграждения — называйте любые условия.

Фу Чжэн был человеком опытным: как бы он ни был раздражен, он не показывал этого, продолжая говорить вежливо.

Премьер-министр есть премьер-министр. Видя, что она не уступает, перешел к торгам, даже тон смягчил. Видимо, он действительно дорожит своим учеником Шэнь Чжуем.

Ду Ванью вздохнула и уклончиво ответила:

— Ваше превосходительство, вы ставите меня в неловкое положение. Это всего лишь корень женьшеня. Мне совестно, что вы проделали такой путь, как я могу просить за это плату?

Снова эти любезности. Фу Чжэн был недоволен, но внешне сохранял спокойствие:

— Не стесняйтесь. Если бы господин Ду Чжэнь не сказал, что никто, кроме владельца, не имеет права распоряжаться вещью, я бы и не подумал просить вас лично.

Это он сказал искренне. Ду Чуаньбо в круговороте придворных интриг никогда не искал выгоды и не примыкал к группировкам. Он был честен и прямолинеен. Многие считали, что Ду Чуаньбо станет бельмом на глазу Фу Чжэна, но тот, напротив, ценил его за профессионализм.

Поначалу он думал, что Ду Чуаньбо — лишь красивый фасад, но тот оказался человеком дела, умеющим сохранять достоинство даже в самых сложных ситуациях. И когда он просил у него тысячетный женьшень, отказ прозвучал так достойно, что вызвал лишь уважение.

Поняв, что Фу Чжэн искренне хвалит ее брата, Ду Ванью улыбнулась:

— Ваше превосходительство, не перехвалите его, он лишь старается соответствовать вашим ожиданиям.

Она видела, что Фу Чжэн не хочет больше любезничать, и добавила:

— Раз уж вы согласны с тем, что никто, кроме владельца, не имеет права распоряжаться вещью, не значит ли это, что вы принимаете и мои условия?

Взгляд Фу Чжэна стал острым. Ду Ванью знала, кто именно хочет получить этот женьшень! Выходит, она всё это время водила его за нос!

Ду Ванью поспешила объяснить:

— Прошу, не поймите меня неправильно. В лечебнице много людей, и слухи о том, что госпожа Шэнь требует от господина Шэнь Чжуя найти корень, дошли и до меня. Я лишь догадалась, что вы пришли из-за него.

В ее словах была доля правды. Фу Чжэн не стал спорить:

— Значит, вы не отдадите женьшень, даже если я пришел лично?

Ду Ванью кивнула, встала перед ним и отвесила глубокий поклон:

— Не гневайтесь, господин. Я не хочу усложнять жизнь господину Шэнь Чжую из-за того инцидента с Шэнь Жоянем. Я хочу прояснить это недоразумение. Пусть он придет лично. И тогда я не только отдам корень, но и пришлю доктора Су в дом Шэнь лечить господина Шэнь Гофэна.

Фу Чжэн спросил:

— Мне любопытно, почему вы так настаиваете на встрече с Шэнь Чжуем?

Ду Ванью улыбнулась с предельной искренностью:

— Таковы правила моей лечебницы.

Фу Чжэн вышел из внутренних покоев и увидел Ли Кэ, который шел ему навстречу с широкой улыбкой:

— Дядюшка Фу!

Фу Чжэн ответил, его лицо заметно посветлело. Он знал о дружбе Ли Кэ с Ду Чуаньбо, поэтому не удивился, увидев его здесь, но всё же спросил:

— Сяо Кэ, что ты здесь делаешь?

Ли Кэ проигнорировал перемену в настроении дядюшки и потер поясницу:

— Потянул спину, пришел показаться.

Фу Чжэн строго, но с заботой сказал:

— Безобразие! Такой взрослый, а всё время в неприятности попадаешь. Отец слишком тебя распустил!

Дядюшка Фу был хорошим человеком, но имел страсть к нравоучениям. Наверное, потому, что на собственном сыне Фу Чэньчжоу ему не удавалось отыграться, он вымещал свою заботу на Ли Кэ.

Ли Кэ, чувствуя, как начинают зудеть уши, потянул Фу Чжэна к выходу:

— Дядюшка Фу, мы же договаривались: когда мы вдвоем, не вспоминать моего отца.

Странное дело: Фу Чжэн не ладил с собственным сыном, они за год едва ли пять раз сидели за одним столом, зато питал слабость к озорному Ли Кэ.

У Фу Чжэна сегодня не было настроения читать нотации. Ли Кэ проводил его до кареты, дождался, пока она уедет, и тут же побежал обратно к Ду Ванью.

Ду Ванью слышала их разговор у порога и знала, что Ли Кэ вернется. Она указала на тарелку с выпечкой:

— Сначала поешь, потом спрашивай.

Ли Кэ, увидев любимое лакомство, тут же забыл, что хотел спросить, и запихнул кусок в рот.

— Ванью, — прожевав, спросил он, — ты утром говорила, что ждешь гостя. Это был дядюшка Фу?

— Да, — Ду Ванью отпила чаю. — Он пришел раньше, чем я ожидала.

Ли Кэ проглотил кусок и запил чаем:

— И ты его совсем не боишься? Редко кто может улыбаться после встречи с дядюшкой Фу.

Ду Ванью развела руками:

— А как не бояться? Смотри, у меня ладони вспотели.

Ли Кэ скривился: летом у всех ладони потеют!

— Ванью, о чем вы говорили?

Ду Ванью ответила равнодушно:

— Конечно, о его ученике.

О том, что мачеха давит на Шэнь Чжуй, Ли Кэ сам же и рассказал Ду Ванью. Он кивнул и снова принялся за еду.

А почему им нужен именно этот корень — всё просто: так сказал врач, который был знаком с Су Сюло, а та через него передала совет семье Шэнь.

Ду Ванью подлила Ли Кэ чаю:

— Я слышала, что твой брат и Шэнь Чжуй — самые прославленные герои Ванцзина. Кто из них

сильнее?

Ли Кэ тут же ответил:

— Конечно, мой брат! Он же первый на военных экзаменах! Как он управляет Управлением охраны — просто загляденье!

Говоря о брате, Ли Кэ не скрывал гордости, но добавил объективно:

— Хотя, если честно, Шэнь Чжуй тоже хорош. В двадцать лет повел войска на войну и подавил восстание Ту Юэ — это достойно уважения. Брат и отец часто говорят, что Шэнь Чжуй не повезло родиться в семье Шэнь. Если бы он был из нашего рода, разве до сих пор оставался бы просто Юньхуэем?

Ду Ванью кивнула. Оба они были решительными воинами, но путь Ли Циня был куда ровнее. Благодаря семье и воспитанию, Ли Цинь мог позволить себе прямоту, не наживая врагов.

Шэнь Чжуй — другое дело. С рождения нелюбимый отцом, он терпел ненависть мачехи, желавшей ему смерти на войне. Даже после побед она распускала слухи о его неблагодарности. Отец никогда не заступался за него, а его собственный характер — холодный и терпеливый — не позволял оправдываться. Если бы не Фу Чжэн, Шэнь Чжуй давно бы попал в беду.

Ду Ванью спросила:

— А как же дочь семьи Шэнь, нынешняя наложница Сянь? Она так любима императором, если бы она замолвила слово за брата, и ему, и ей было бы легче.

В народе ходили слухи об их неземной любви. Четыре года со дня восшествия императора на престол, а в гареме лишь одна наложница Сянь, и единственный сын — принц Янь Ин. Люди называли императора неисправимым романтиком.

— Не упоминай эту Шэнь Жошуй, — фыркнул Ли Кэ. — Если бы не ее живот, вряд ли она попала бы во дворец!

С презрением продолжил:

— Не понимаю, чем они гордятся? Когда император был еще принцем и случилась беда во время инспекции, семья Шэнь первой поспешила расторгнуть помолвку, а Шэнь Жошуй выскочила замуж за тогдашнего князя Нань. А когда император вернулся в Ванцзин весь в шрамах, она даже не попыталась объясниться, лишь заявила, что пути их разошлись, прикидываясь жертвой.

Ли Кэ злился всё больше:

— Потом выяснилось, что князь Нань злодей, он поднял мятеж! После того как император вззошел на престол, она приползла к вдовствующей императрице, стояла на коленях у дворца

Чуньхэ, пока не забеременела, и только так попала во дворец. Семья Шэнь думает, что она держит бога за бороду, и творят что хотят. Да, в гареме она одна, но неужели император, зная ее хитрость, будет ее любить? Только идиоты из семьи Шэнь думают, что она всесильна, и ведут себя так нагло.

Ли Кэ помнил: тогда он играл с Янь Ци во дворце вдовствующей императрицы, когда пришла весть о беде с пятым братом. Когда тот вернулся, он был уже не тем блистательным принцем, а израненным человеком в маске.

Его брат был рожден для высот, но вернулся словно засохший лист под дождем, с мертвым взглядом. С тех пор он стал слаб телом, но жесток душой, отдалившись от всех братьев и сестер.

Однажды он и Янь Ци случайно увидели шрам на лице брата — от виска до самого глаза. Еще миллиметр — и он ослеп бы.

С момента возвращения брата Ванцзин погрузился в войну без дыма, уносящую жизни. Кульминацией стал день, когда Янь Цзинь поднял мятеж. Три тысячи гвардейцев не смогли защитить дворец, и в последний момент именно его пятый брат, прорываясь сквозь кровь, спас отца.

Даже спустя годы он помнил день восшествия брата на престол.

В тот день он и Янь Ци стояли на высокой башне, на цыпочках пытались разглядеть церемонию.

<http://bllate.org/book/21032/2138867>